

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Городской голова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Городской голова / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 258 с.

ISBN 978-5-519-99077-6

ISBN 978-5-519-99077-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Ну, ну... Смотри у меня... Ты думаешь, налилась, какъ яблоко, и управы на тебя нѣтъ.

— Есть да не ваша!

Видимо, она съ «генераломъ» не стѣснялась.

— Что такъ...— подошелъ онъ къ ней...

— Оставьте... Меня вонъ Силантій Іонычъ какъ зоветъ... Христомъ-Богомъ просить. Я, говоритъ, тебя, какъ барыню, утѣшу.

— Да чѣмъ тебѣ у меня плохо? Нашла кого! Купчишку, да еще Треухова. Чортъ знаетъ что!

— У нихъ-то, у купцовъ, нонче деньги.

— А тебѣ мало?..

— Только и живу потому, что вы баринъ настоящій... Все почище около васъ и поделикатнѣе. А то только-бы и видѣли... Чего надо-то?

— Сейчасъ вѣрно ко мнѣ изъ города Игнатій Силычъ пріѣдетъ...

— Марфушинъ... волкодавъ?

— Вотъ именно... Такъ ты при немъ смотри... Не очень-то характеръ показывай!

— Что мнѣ прятаться. Слава Богу—не уродъ какой... Акцизный пріѣзжалъ и говоритъ—такого корпуса и на картинахъ не видѣлъ.

— Глупая. У меня дѣла съ нимъ большія. А онъ стараго письма купецъ. Поняла?

— Мнѣ что-же... Я и совсѣмъ уйду... Къ попадѣ въ гости. Давно чай пить зоветъ.

— И отлично. Тамъ и обѣдать оставайся.

— Можно мнѣ у васъ изъ кладовой? Варенья... Икры что-ли... сыру.

— Въ твоихъ рукахъ. Чего спрашиваешься?

— Все-таки—вѣрнѣе. Потомъ воровкой называть станете.

— Ну тебя! — отмахнулся баринъ. — И настоящихъ воровъ не обижалъ... Поди ко мнѣ!

Притянулъ ее къ себѣ, посадилъ на колѣни... По головѣ погладилъ.

— Я потому васъ и люблю, что вы неглежа не цапаетесь... Вы думаете, я изъ-за жалованья вашего живу. Какъ-же, не видала я.. А только вы мнѣ нравитесь вотъ какъ!

И она, быстро нагнувшись, поцѣловала его въ губы.

— Хотя вамъ и пятьдесятъ лѣтъ,—а вы лучше иного молоденькаго... Совсѣмъ портреть... Только что въ волосахъ сѣдинка... А то кавалеръ въ полномъ составѣ. Помните, къ попадѣй-то сестра приѣзжала... Слюнявенькая такая... Съ перваго раза она страсть какъ влюбилась въ васъ. «Помани онъ меня—сейчасъ за нимъ укачу!» Вотъ какъ. А я ей: за моего генерала—горло всякой перерву. Потому другого такого во всей подвселенной нигдѣ не отыщешь. У меня отъ васъ ни одного синяка... Разбалуетесь съ вами! Замужъ выду—мужъ вотъ какъ опротивѣтъ... А зачѣмъ волкодавъ сюда ѣдетъ?

— Денежныя дѣла...

— Акцизный сказывалъ: баринъ твой растрясъ мошну. Теперь у купца на веревочкѣ бѣгаетъ. Захочетъ тотъ—кушъ крикнетъ—и баринъ ложись... Нешто это правда?

— Всѣ мы у купцовъ въ петлѣ бьемся!

— Что говорить, держава крѣпкая. Разъ попала муха—конецъ ей. А только ежели вы и разоритесь да меня не прогоните,—я васъ ни на какого Треухова не промѣняю. Ужъ очень набаловалась. Потому вы какъ... Совсѣмъ я къ вамъ грязной дѣвчонкой попала. Замухрышкой голодной. Другой-бы меня сразу какъ хвостъ раку объѣлъ, а вы точно за барышней настоящей... Не то, чтобы за сытость купить. Одѣли, обули... Къ себѣ приучили. Вы думаете, мы этого не понимаемъ. Да и я гдѣ мужчиновъ такихъ видѣла? Въ городѣ съ вами была—сколько тамъ кавалеровъ молодыхъ. А вѣдь ни одинъ мизинчика вашего малюсенькаго не стоитъ. Вы думаете, вашъ сыночекъ—Михаилъ Николаевичъ выстоитъ супротивъ? Никогда.. У нашей сестры тоже глаза есть... Знаемъ, гдѣ настоящее золото...

И припала къ нему вся, нѣжась подъ его лаской, какъ озябшая кошечка.

— Ну, пошла, будетъ... Съ тобой и дѣло забудешь...— спустилъ онъ ее съ колѣнъ.

— Оно и лучше... Дѣла то не веселятъ!—смѣялась Феня.

— А все-таки... Поѣздъ вѣдь скоро придетъ, а съ этимъ поѣздомъ и гость.

— Да онъ уже пришелъ. Я сверху видѣла!

— Ну, вотъ видишь. Такъ убирайся къ своей попадѣ... Да ключи оставь. Вели Семену накрыть завтракъ... И поскорѣе. Ему вѣдь въ три часа опять надо на машину поспѣть.

— Вина какого?

— Крѣпкого. Мадеры получше, хересу... Миѣ вели поставить краснаго. Закуски побольше. И водокъ. Утроба-то у Марфушина луженая. Рейнвейномъ се не проймешь... У себя привыкъ купоросныя настойки пить!

— Что-жъ! При ихъ невѣжествѣ...—согласилась и Феня.

Николай Федоровичъ остался одинъ. Онъ съ минуту безучастно смотрѣлъ въ окно, въ которое грѣло солнце. По стеклу играла первая муха. Широкая полоса свѣта ложилась поперекъ громаднаго кабинета. Домъ былъ въ свое время строенъ на большую ногу. Простора не жалѣли! Теперъ, пожалуй, и письменныхъ столовъ не найти такихъ, какъ этотъ. Весь чернаго дерева, онъ далеко выходилъ изъ предѣловъ обширнаго венеціанскаго окна, забраннаго желтыми шелковыми гардинами. Сегодня ради этого теплаго и веселаго дня онѣ были откинуты во всю, и лучи ярко отражались на монументальныхъ книжныхъ шкапахъ, на софахъ, отдѣланныхъ настоящимъ турецкимъ войлокомъ, шитымъ золотомъ. Вся мебель залы была крупная, массивная, и, часто вглядываясь въ нее, Перелыгинъ не безъ грусти думалъ, что теперъ ему бы и кресла такого не купить! Не по карману! Деревянная скульптура нынче кусается. Поди-ко, попробуй. Не даромъ Треуховъ приторговывался уже—ну, да только не ему, мужлану, сидѣть на такой. А вѣдь не уйти Николаю Федоровичу. Такъ подвело, что не уменьшь от волкодава,—въ треуховскій капканъ влѣзешь. Отъ Тр

ухова Господь спасетъ—одна дорога въ широкую пасть Игнатія Силыча Марфушина... А кругомъ мелкая собачка ждетъ своей очереди. Начнутъ потрошить барина—авось, и на ея счастье кишки достанутся. Вся сыта будетъ и такими объѣдками жадная песья порода. Да вотъ они въ столѣ у него, у Перелыгина—и активы, и пассивы. Первые съ каждымъ годомъ, что снѣгъ на солнцѣ, таютъ, а вторые растутъ и растутъ. Какъ ни раскидывай умомъ! Чего-чего не предпринималъ Николай Федоровичъ: и спиртъ гналъ, и крахмальное дѣло завелъ, и кирпичныхъ заводовъ столько настроилъ, точно у него Москва была подъ бокомъ, и сахаръ варилъ, и писчебумажную фабрику до половины вывелъ—благо собственный кирпичъ остался на рукахъ. И все по пусту. Спиртъ у него теперь гонить Треуховъ. Крахмалъ и кирпичъ попали въ цѣпкія лапы къ Марфушину, сахаръ у него же—и десятки тысячъ даетъ Игнатію Силычу. А писчебумажная фабрика сиротливо торчитъ въ сторонѣ, зіяя на свѣтъ пустыми окнами,—точно Гибралтаръ какой-то. И такъ во всемъ. Что ни начиналъ Перелыгинъ—было рассчитано умно, и въ чужихъ рукахъ потомъ оказалось еще умнѣе. А пока онъ возился съ этимъ, то и дѣло приходилось ему бѣленькія бумажки со столбиками: «отъ сего числа, срокомъ черезъ... повиненъ я» — подписывать. Сколько этихъ «отставныхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Николаевъ Федоровичей Перелыгиныхъ» гуляетъ теперь по свѣту, лежитъ въ банковскихъ портфеляхъ — одинъ Аллахъ знаетъ, да и тотъ никому не скажетъ. Слава Богу, еще удастся изворачиваться. И то потому, что Марфушинъ его милуетъ. Тоже у Игнатія Силыча какіе-то на него расчеты. Сожметъ въ кулакъ, брызнетъ перелыгинской кровью, а потомъ отомкнетъ пальцы—отдышаться дастъ. Походи-де, пока я терплю — а тамъ увидимъ. И, дѣйствительно, правъ этотъ акцизный: «У купца на веревкѣ бѣгаетъ». А кто нынѣ у купца-то не бѣгаетъ? Всѣ, кто сидѣлъ на землѣ и хозяйничалъ. И чѣмъ крупнѣе дѣло, тѣмъ хуже. Ме-

лочь—точно рябчики къ осени—нѣтъ-нѣтъ да жирку и нагуляетъ, а большой птицѣ мать подходитъ. Положимъ, Николаю Федоровичу не на кого жаловаться. Шибко онъ пожилъ на вѣку, и баловала его на первыхъ порахъ судьба. Севильскому обольстителю нечего завидовать! Чего только Перелыгинъ не продѣлывалъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ «правовѣдѣніе». Точно забылъ, что седьмая заповѣдь существуетъ. Иной разъ вспомнить пропалое, такъ у него такая коллекція женскихъ типовъ въ распоряженіи оказывается,—на сто романовъ хватить съ лишимъ. Онъ и теперь, еще въ пятьдесятъ лѣтъ, сохранился такъ, что, попробуй, ни одна не уйдетъ отъ него. Только самому надоѣло, здоровую деревенскую пищу предпочелъ: дочь своего конторщика Феню въ комнаты взялъ и заперся ото всѣхъ. Не на долго! Не очень-то замкнешься, когда Марфушинъ все укорачиваетъ и укорачиваетъ веревочку... Съ чѣмъ это онъ сегодня ѣдетъ? Не близокъ-ли ужъ конецъ дворянской души? Кто его знаетъ. Впрочемъ, если бы вышелушить захотѣлъ, къ себѣ вызвалъ бы въ городъ. Они вѣдь, волкодавы, не церемонятся. Не таковскіе. Любятъ надъ высокоблагородіемъ и превосходительствомъ поломаться. Посмотрите-де, какъ генералы нашему степенству въ ноги будутъ кланяться. Да еще за счастье почитайте, что до самого черного товару допустилъ купецъ... А у батюшки тотъ же Марфушинъ—дальше передней и сунуть своего суконнаго рыла не смѣлъ. Стоитъ, бывало, у притолки и кланяется. Еще и отца нѣтъ, а тотъ все кланяется. И дворѣцкому, и любимой горничной, и учителю—не жалѣетъ шеи. Не отвалится-де голова... А теперь въ кабинетъ лѣзетъ въ картузъ и только тутъ снимаетъ его «упарился... Отдохну у тебя... Принимай купца съ почетомъ»...

Николай Федоровичъ еще разъ началъ провѣрять отчеты своего управляющаго.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ эта таблица послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Какъ это такъ случилось, но въ ней изъ

года въ годъ доходы уменьшаются, а расходы растутъ болѣе и болѣе, удлинняя вѣчный минусъ. Правда, и Перелыгинъ проживалъ много. Больше, чѣмъ ему позволяли средства, да, вѣдь, кто же у насъ тратитъ не выше своего бюджета? Сословіе двадцатаго числа и то ухитряется дѣлать долги, а хозяину, помѣщику, у котораго все невѣрно, гадательно, на авось и Богъ велѣлъ. Не можетъ же онъ жить свиньей. Не такъ выросъ. Слишкомъ хорошо помнить время, когда въ этомъ самомъ домѣ кипѣла шумная блестящая толпа. Въ залѣ на хорахъ по вечерамъ своя музыка. Дневавшіе и ночевавшіе здѣсь сосѣди танцуютъ, ѣдятъ, пьютъ, и никому не въ домысль, что на стѣнахъ «дворянскаго замка» уже показываются зловѣщіе «мани-факель-фаресъ». Никому, и прежде всего Николаю Федоровичу, который и у себя въ правобѣдніи, на школьной скамьѣ, не привыкъ считать денегъ. Въ первое время все держалось по старой памяти. И охота шла какъ прежде. Такихъ гончихъ, борзыхъ, какъ у Перелыгина, во всей губерніи ни у кого не было. И такъ же музыка гремѣла по вечерамъ. Ее только перевели на жалованье. И вина доставлялись сюда изъ Москвы цѣлыми транспортами, вмѣстѣ съ икрою, балыками, семгой, сыромъ и омарами... «Стоитъ прочно Перелыгинъ. Это нашъ настоящій столпъ. Дворянская твердыня!»—хвалили его дармоѣды, хотя уже въ это время Игнатій Силычъ Марфушинъ осторожно, съ оглядкою по сторонамъ, переступалъ изъ передней въ залу, гдѣ садился скромно на золоченныя стулья, вздыхалъ и вытиралъ себѣ лобъ краснымъ платкомъ съ изображеніемъ Суворова на Чортовомъ мосту. Еще черезъ два года володавъ изъ залы перебрался въ гостиную, гдѣ уже разваливался въ старинныхъ бархатныхъ креслахъ, довольно-таки свободно сморкался «въ голосъ» и безцеремонно прикидывалъ все кругомъ на свои мысленные счеты. А немного спустя, Марфушинъ лѣзъ безъ доклада въ кабинетъ, швырялъ сальныя картузы на письменный столъ къ Перелыгину и наровиль ужъ обходиться безъ

Суворова на Чортовомъ мосту, а сморкался по старинѣ, двуперстіемъ... Хозяйскаго сына, передъ которымъ когда-то вставалъ первый, теперь онъ звалъ по просту Мишенькой и корявой лапой гладилъ, ничтоже сумняшеся, его бѣлокурую головку. Игнатій Силычъ до того осмѣлился, что разъ, вернувшись съ охоты, Перелыгинъ увидѣлъ его развалившимся въ барской постели... Марфушинъ храпѣлъ во всю. Сапогъ даже не снялъ, каналья. Въ первое время Николай Федоровичъ вскипѣлъ. Вспомнилъ, какъ на этихъ подушкахъ покоилось чудное личико его жены, урожденной княжны Глинской... Она и умерла тутъ, и ея постель была для Перелыгина своего рода реликвіей. Вотъ тамъ, гдѣ теперь безобразно торчатъ сапоги волкодава, сиживалъ онъ, слѣдя съ душевною тоскою за дыханіемъ больной... А еще ранѣе—онъ, весь трепеща отъ радости и ожиданія, открывалъ тутъ одѣяло, чтобы припасть къ ея ножкамъ горячими и жадными губами. Хотѣлъ было аранникомъ полоснуть волкодава, да во-время сообразилъ, что вчера миновалъ срокъ векселю, по которому заплатить нельзя, и только весь въ стыдъ и мукъ выскочилъ отсюда прочь. Потомъ за сѣдлалъ коня, заморилъ себя на сумасшедшей гоньбѣ по степи безъ цѣли, то взадъ, то впередъ...

Онъ самъ себя презиралъ за это, но... у него былъ сынъ. Тотъ только что кончилъ правовѣдѣніе — нужны были деньги еще. Платонъ Николаевичъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ мѣстному губернатору. Нельзя же было молодому Перелыгину—последнему изъ этой старой доблестной фамиліи — явиться на службу какъ приказному. Онъ долженъ былъ выйти въ общество (губернія—дворянская!)—своимъ. И въ тотъ же вечеръ, когда Игнатій Силычъ, сообразившій свое невѣжество, сталъ было извиняться:

— Заморился. Присѣлъ къ тебѣ на постелю, а ужъ какъ заснулъ, самъ не знаю. Мужикъ мужикомъ.

— О чемъ еще. Мы съ тобой старые пріатели... Слава Богу, сколько лѣтъ..

— Ну, коли ты такой не чванный и нашимъ братомъ не гнушаешься—такъ и я тебѣ пораждю!

И тутъ же не удержался отъ свинства!

— И то сказать... Только и дышите—пока мы грѣхамъ терпимъ. У меня, баринъ, вашего брата сколько въ кулакъ сжато. Я еще доберъ... А на тебя у меня особые виды. Пріятелю мы съ тобой—а, можетъ быть, и еще тѣснѣй будемъ. Ну, да это что загадывать...

Объ этихъ видахъ онъ послѣднее время говорилъ все чаще и чаще, но Николай Федоровичъ понять не могъ, въ чемъ тутъ дѣло. Видѣлъ одно: волкодавъ щадить его—на удивленіе всѣмъ. Безпрекословно переписывалъ векселя, ни разу не прижалъ—только очень хозяйничалъ въ усадьбѣ. Точно она ужъ принадлежала ему, описана и продана Марфушину, и онъ полный владыка.

— Ты меня слушай... Я, братъ, тебя на ноги поставлю—не бойся. Все opravимъ.

Разъ даже Перелыгинъ не удержался и спросилъ:

— Да какая тебѣ корысть?

— Въ чемъ?

— А вотъ поддерживать меня: Мордакина ты съѣлъ, Поливаловыхъ тоже. Отъ Курмашева и шелухи не осталось...

— А это, баринъ, погоди... Я тоже какъ министеръ—не очень-то свою планту показываю. Не бойся, время придетъ—онъ и объявится... Да къ тому же—падо и совѣсть знать. Я отъ твоего батюшки, царство ему небесное, и жить пошелъ. Онъ меня первый возвеличилъ. Я и по сю пору второго генваря—день его кончины праведной—панихиду служу объ упокоеніи души боярина Федора! Послѣдній разъ даже нищихъ кормилъ—губернаторъ мнѣ за это въ Вѣдомостяхъ благодарность обнародовалъ. Все, братъ, окажется, и вода на плитѣ не сразу ключемъ закипитъ.

Въ нынѣшнемъ году онъ въ Перелыгино иначе не являлся какъ съ дочерью. Нюнечкѣ только что исполнилось восемнадцать лѣтъ. Дѣвица она была бѣлобрысенка.

веснушчатая, съ робкими воспаленными глазками... Краснѣла до подлости, хотя въ это время у нея въ уголкахъ губъ смѣхъ прятался... Она окончила гимназію едва-ли не первую, и потому считала себя далеко выше среды, въ которой выросла. Разъ даже Николая Федоровича изумила. Марфушинъ—по хамской привычкѣ—послѣ обѣда—на боковую... Вскрапнулъ немножко, какъ выражался самъ. Перелыгинъ остался наединѣ съ Нюнеткой. Думалъ еще, чѣмъ бы занять ее, а она вдругъ — и все съ тѣми же робкими глазами:

— Воображаю, какъ вы, Николай Федоровичъ, гнушаетесь нами!

Перелыгинъ издрогнулъ.

— Почему вы это думаете, Анна Игнатьевна?

— Такъ... Ужъ очень у папаши... Необразование это... Мнѣ самой... Вы думаете, я не понимаю. Я вамъ такъ скажу,—вдругъ набралась она храбрости,—я купцовъ вотъ какъ презираю. Потому что какіе у нихъ идеалы?.. Какъ бы ограбить кого — да денегъ побольше... Вѣдь мы не даромъ учились. Понимаемъ, что человѣчеству не это надо... И опять, ну кто насъ любить... Кто? Теперь папаша воображаетъ, что вы ему другъ любезный... А я вижу: ну, разбогатѣй вы—и на порогъ его не пустите...

Перелыгинъ покраснѣлъ... «Однако, какая шустрая и догадливая дѣвчонка. Поди сговори съ такой»...

А та, все краснѣя и краснѣя, такъ что густой румянецъ прямо къ бѣленькой челкѣ подобрался, продолжала, торопясь высказаться.

— Люди вѣдь не этимъ берутъ... Не страхомъ.

— А чѣмъ-же?...

— Любовью, добромъ... Вы не думайте... Я не по Толстому. У насъ, въ гимназіи, въ нашемъ классѣ Толстого отрицали... Я бы денегъ своихъ не раздавала. Онѣ та же сила. А только я-бы такъ сдѣлала, чтобы меня никто не боялся, а всѣ уважали... На каждую пужду первой бы шла. Я не совѣмъ съ вами... Путаюсь. Понимаю, какая между нами разница... А то бы сейчасъ вамъ всю про-

грамму жизни изложила. Вы знаете, вѣдь мы съ седьмого класса всё себѣ программы жизни составляли. У насъ въ восьмомъ, въ педагогическомъ—у рѣдкой не было такой... По пунктамъ...

— Вотъ вы какая. Чего же вы меня стѣняетесь?

— Какъ же иначе. . Вы знаете, въ гимназій—бывало вы мимо идете по панели—кто-нибудь крикнетъ: шерочки,—красавецъ Перелыгинъ!.. Мы сейчасъ къ окнамъ и посмотримъ на васъ.

Перелыгину стало весело.

— Скажите, пожалуйста!.. А я и не подозрѣвалъ, какимъ успѣхомъ у васъ пользовался..

— Еще бы! У одной изъ подругъ въ программѣ жизни даже значилось: познакомлюсь съ Николаемъ Федоровичемъ, плѣню его и выйду за него замужъ.

— У кого же это?

— Ну, нѣтъ. Мы бережемъ секреты другъ дружки...

— Да вѣдь я старикъ!

— Вы!—и Нюточка съ наивнымъ негодованіемъ даже всплеснула руками.—Да съ вами такъ пріятно подъ руку. Вы такой солидный... Точно молодой папаша и комиль-фо!

Ему окончательно сдѣлалось такъ хорошо съ нею, что онъ готовъ уже былъ разсмѣяться вмѣстѣ съ этою, показавшеюся ему сначала такою невидною, дѣвчонкой.

— Вы думаете, я дура?—допрашивала она потомъ.—Вы папашу должны ненавидѣть—и это я понимаю и никакъ осудить васъ не могу... Я сама такъ презираю купцовъ!.. Никакихъ благородныхъ чувствъ у нихъ. И вы знаете, вѣдь это въ крови. Доведись мнѣ—я бы вѣдь такъ-же поступила съ капиталомъ. Потому что мы безъ денегъ тѣ-же мужики сиволлапы. Вонъ вашъ родственникъ, князь Глинскій, проигрался до тла. Сказываютъ, у него нѣтъ ни копѣйки, а все-таки онъ князь и, куда ни придетъ, ему рады. Въ дворянскомъ собраніи танцуетъ—всѣ дамы отъ зависти лопаются, стѣять готовы ту, которую онъ выберетъ. Войдетъ—видна въ каждомъ движеніи привычка къ обществу, къ уваженію; и смѣшнымъ